

Сергей (Вождь)

Тени Братиславы

Сергей (Вождь)
Тени Братиславы

«Автор»

2026

(Вождь) С. П.

Тени Братиславы / С. П. (Вождь) — «Автор», 2026

В средневековой Братиславе царит тревога: загадочные смерти и исчезновения сотрясают город. Бывший стражник Милан Корвин и его союзники — целительница Агнес, ловкий вор Казимир и проницательный управляющий Ульрих — берутся за расследование. Шаг за шагом они раскрывают зловещий заговор тайного ордена под руководством епископа Адальберта. Герои обнаруживают древний артефакт — Источник, способный дать власть над городом. Чтобы остановить заговорщиков, им предстоит рисковать жизнью, разгадывать хитрые ловушки и бросить вызов могущественным врагам. Правда или гибель — выбор сделан. Смогут ли они спасти Братиславу?

© (Вождь) С. П., 2026

© Автор, 2026

Сергей (Вождь) Тени Братиславы

Глава 1. Кровь на булыжниках

Солнце едва пробилось сквозь туман над Дунаем, окрасив крыши домов в тускло-золотистый цвет. Милан Корвин сидел у окна таверны «У трёх рыб», помешивая остывший травяной отвар. Перед ним лежал пергамент с записями — долги горожан, просьбы о помощи, обрывки слухов. Он не был стражником, не носил мундира, но знал город лучше любого капитана: каждый переулок, каждую подворотню, каждого нищего и торговца.

Таверна дышала привычным уютом: низкие потолки, закопчённые балки, столы из грубого дуба, покрытые царапинами от ножей и кружек. В воздухе витали запахи жареного лука, эля и дыма от очага. За соседним столом переговаривались купцы, а в углу прятался какой-то тип в капюшоне — Милан знал его: мелкий воришка, промышляющий на рынке.

— Опять ждёшь плату за работу, которой не было? — хрипло рассмеялся хозяин таверны, протирая кружку засаленным полотенцем.

— Жду того, кто готов заплатить за правду, — Милан поднял взгляд. — А она, Маркус, всегда находится там, где её не ищут.

За окном загрохотали колёса телеги. Крестьяне везли овощи на рынок, ругаясь с понурым осликом. В воздухе смешивались ароматы свежего хлеба, конского навоза и гниющих отходов, выброшенных прямо на мостовую. Братислава жила своей обычной жизнью: крики торговцев, скрип телег, звон колокола собора, шёпот горожан у колодцев. Узкие улочки Нижнего квартала, где дома стояли так близко, что можно было перепрыгнуть с крыши на крышу, кишели людьми. Бельевые верёвки пересекали улицы, создавая лабиринт над головой. Дети бегали босиком, играя в прятки между бочками, а женщины переговаривались у насосов.

Дверь таверны распахнулась, ударившись о стену. На пороге стояла женщина в рваном платке, с лицом, изборождённым морщинами и слезами.

— Господин Корвин? — её голос дрожал. — Мне сказали, вы... вы берёте деньги не только у знати.

Милан молча указал на стул напротив. Женщина упала на него, судорожно сжимая край юбки.

— Мой Янош... ему всего семь. Вчера вечером играл у дома, а потом... — она всхлинула. — Его нет. Нигде. Стража сказала: «Убежал, бывает». Но он бы не ушёл! Не в такую ночь!

Милан внимательно посмотрел на неё. Магдалена, жена сапожника из Нижнего квартала. Он знал её мужа — грубоватого, но простого и честного ремесленника, носившего кожаный фартук и льняную рубаху.

— Что было вчера? — спокойно спросил он.

— Дождь, — женщина вытерла слёзы. — Он боялся грозы, всегда прятался под лавкой. Но вчера... я позвала его, а в доме — пусто. Только на пороге лежала эта штука.

Она дрожащими руками протянула тряпичную куклу. Милан взял её и замер. На щеке игрушки алела свежая кровь.

Нижний квартал встретил их смрадом сточных канав и криками чаек. Узкие улочки петляли между покосившихся домов, словно лабиринт. Магдалена шла впереди, указывая путь.

— Здесь, — она остановилась у тёмного проёма между двумя лавками. — Я нашла куклу тут.

Милан присел на корточки, разглядывая булыжники, на котрых были странные следы из грязи, будто кто-то волочил ногу или опирался на что-то длинное. Он провёл пальцем по мокрому камню — кровь. Совсем свежая.

— Видели что-нибудь? — он обернулся к собравшимся зевакам.

Толпа молчала. Лишь старик в потрёпанном кафтане прошептал:

— Оно приходит из-под земли. Чудовище. Вылезает из канавы, когда стемнеет.

Кто-то перекрестился. Другие отступили назад.

— Глупости! — рявкнул новый голос.

Из-за угла вышел капитан Витольд, в сопровождении двух стражников. Его алебарда блеснула в утреннем свете. Доспехи из кожи, факел в руке — символ власти.

— Пропажа ребёнка — дело стражи, Корвин. Не твоего ума.

— А кто будет искать, если не я? — Милан выпрямился. — Ты арестуешь первого попавшегося нищего, как в прошлый раз?

Витольд побагровел:

— Ещё слово — и окажешься в подземелье за оскорбление власти!

Магдалена вцепилась в рукав Милана:

— Прошу вас...

Он посмотрел на женщину, затем на капитана.

— Я найду твоего сына, — тихо сказал он. — Даже если для этого придётся спуститься в ад.

Они спустились по скользким ступеням за старой пивоварней. Воздух стал густым, пропитанным запахом гнили и сырости. Где-то капала вода, эхом отдаваясь в темноте. Своды из

грубо обтёсанного камня, местами покрытые плесенью, нависали над головой. На стенах — следы копоти от факелов стражи. Под ногами — вязкая жижа из сточных вод, костей животных и отбросов. Крысы шныряли в темноте, иногда бросаясь к ногам. В воздухе висел туман от испарений.

— Держись ближе, — предупредил Милан. — И смотри под ноги.

Факел осветил развилку. На стене — глубокие царапины, будто кто-то скреб когтями.

— Это... не крысы? — вздрогнула Агнес, которая незаметно присоединилась к ним.

— Нет, — Милан провёл пальцем по отметинам. — Слишком высоко. И смотри: параллельные линии. Четыре. Как пальцы.

Они двинулись дальше. Тоннель сузился — пришлось пригнуться. В одном месте свод обрушился, оставив груды камней. Милан замер, прислушиваясь.

Из темноты донёсся скрежет. Что-то тяжёлое протащило по камням.

— Назад! — он схватил Агнес за руку.

Тень метнулась в свете факела — высокая, с неестественно длинными руками. Глаза вспыхнули красным отблеском и тут же исчезли.

— Видела? — прошептал Милан.

Агнес кивнула, прижимая руку к груди. Её рыжеватые волосы выбились из-под платка, веснушки казались бледными в свете пламени.

— Оно... живое?

— Пока не знаю. Но оно здесь не впервые.

Он поднял факел выше. На стене, рядом с царапинами, — пятно крови. Свежее. Под ним — обрывок ткани с вышитым гербом: олень на синем фоне.

— Знать, — пробормотал Милан. — Кто-то из благородных спускается сюда. Зачем?

Агнес осторожно коснулась герба:

— Я видела такой в монастыре. На плаще отца Лукаша.

Милан нахмурился. Монах, хранитель летописей... Слишком много совпадений.

— Идём обратно, — он потянул девушку за собой. — Нам нужно больше света и меньше темноты.

Они укрылись в заброшенной часовне у реки. Милан разжёл небольшой костёр из щепок, чтобы согреться. Агнес сняла капюшон, показав бледное лицо.

— Ты слишком молода для таких прогулок. Почему помогаешь? — спросил Милан.

— Потому что знаю, каково это — терять, — тихо ответила она. — Мою семью... — она запнулась. — Их нашли в канаве. Сказали, чума. Но раны... они были не от болезни.

— И ты думаешь, это связано?

— Не знаю. Но слухи о «чудовище» пошли после их смерти. А теперь пропадают дети.

— Кто мог такое устроить?

— Отец Лукаш говорил о древнем культе. «Дух сточных вод» — так они себя называли. Считали, что город нужно очистить... кровью.

— Суверия. Или нет? Ты читала летописи?

— Да. Там сказано: «Когда придёт седьмой месяц, жертва откроет ворота». Сейчас июнь.

— Значит, у нас меньше месяца.

— И ещё... — она понизила голос. — Отец Лукаш часто уходил ночью. Возвращался с мокрыми сапогами. И пахло от него не ладаном, а... канализацией.

— Интересный поворот. Ты наблюдательна.

— В монастыре учили замечать детали. И запоминать.

— Хорошо. Будешь моими глазами и ушами. Но обещай: если станет слишком страшно — уйдёшь.

— Я не убегу. Не теперь.

Милан посмотрел на неё с уважением. В этой хрупкой девушке была сила, которую он не ожидал увидеть.

— Тогда план такой: завтра идём к аптекарю Йозефу. Он знает всё о ядах и знаках. Если культ существует, он о нём слышал.

— А если он тоже... один из них? — Агнес сжала край плаща, её голос дрогнул, но взгляд остался твёрдым.

Милан задумчиво покрутил в пальцах обломок ветки, брошенный в костёр. Пламя лизнуло древесину, выбросив сноп искр.

— Если так, мы это выясним. Но осторожно. Йозеф — человек практичный. Деньги для него важнее суверий. Возможно, он продавал кому-то редкие ингредиенты для ритуалов. Или знал, что ищут.

Агнес кивнула, поправляя выбившуюся прядь волос.

— В монастыре говорили, что культ «Духа сточных вод» использует аконит и белену. Ещё что-то... с дунайскими травами. Отец Лукаш упоминал «воду забвения».

— Настойка из белены, — Милан нахмурился. — Вызывает видения, паралич. Если её дают жертвам... это объясняет, почему дети не сопротивлялись.

Он поднялся, отбрасывая ветку в огонь.

— Завтра на рассвете встретимся у Старого моста. Ты знаешь, где лавка Йозефа?

— Да, — Агнес тоже встала. — За аптекой — тайный ход в монастырь. Я проведу тебя через него, если понадобится.

— Хорошо. И ещё кое-что, — Милан положил руку ей на плечо. — Если вдруг увидишь отца Лукаша — не подавай виду, что мы говорили. Притворись, будто ищешь травы от кашля. Поняла?

— Поняла, — она выпрямилась. — Я не подведу.

На улице уже сгущались сумерки. Колокол собора Святого Мартина пробил шесть раз, и тут же со стороны реки донёсся крик ночной птицы. Город постепенно затихал: торговцы закрывали лавки, стражники зажигали факелы на перекрёстках, а в окнах домов загорались огни свечей.

Милан и Агнес вышли из часовни. Воздух стал прохладнее, туман с Дуная полз по улицам, окутывая нижние этажи домов белёсой дымкой. Где-то вдали лаяла собака, а из таверны «У трёх рыб» доносился пьяный смех и звуки лютни.

— Будь осторожна, — тихо сказал Милан. — Если кто-то следит за тобой — сделай вид, что просто гуляешь. И ни с кем не говори о нашем плане.

— Я знаю, как прятаться, — улыбнулась Агнес. — В монастыре нас учили. До завтра, господин Корвин.

Она скользнула в переулок, растворившись в тени между домами. Милан постоял ещё минуту, глядя, как её силуэт исчезает в сумерках, затем повернулся и направился к набережной.

По дороге он обдумывал услышанное. «Дух сточных вод»... Ритуал в седьмой месяц... Кровь на кукле... Герб с оленем... Отец Лукаш с мокрыми сапогами... Слишком много нитей, и все ведут под землю. Под Братиславу.

У моста он остановился, глядя на тёмную воду Дуная. Отражения факелов дрожали на поверхности, словно тысячи маленьких огней пытались выбраться наружу.

«Что ты скрываешь, город?» — подумал Милан. — «И сколько ещё детей должно пропасть, прежде чем мы найдём правду?»

Он поправил плащ и зашагал к таверне. Нужно было собрать инструменты: запасной факел, нож с костяной рукоятью, моток верёвки и щепотку перца для крыс — старый трюк, отпугивающий тварей в подземельях. Завтрашний день обещал быть долгим. А ночь... ночь могла стать последней для кого-то из них.

Милан вошёл в таверну «У трёх рыб» почти в полной темноте. Маркус, хозяин заведения, уже гасил последние факелы. Увидев Милана, он лишь покачал головой:

— Опять до ночи шатался? — проворчал он. — И вид такой, будто сам с чудовищем встретился.

— Почти, — усмехнулся Милан, снимая плащ. — Дай-ка мне кружку эля и кусок вчерашнего хлеба. И не спрашивай ни о чём.

Маркус хмыкнул, но заказ выполнил. Пока Милан ел, он невольно прислушивался к разговорам за соседними столами.

— Говорят, в канализации живёт демон, — шептал какой-то ремесленник своему приятелю. — Вылезает по ночам, забирает детей...

— Чушь! — возразил второй. — Это бродяги их крадут. Или чума опять началась.

— А я слышал, — вмешался третий, — что это знатные господа забавляются. Им нужны жертвы для своих чёрных дел. Видел вчера, как слуга барона Эстерхази спускался в подземелья у пивоварни?

Милан сделал вид, что не слушает, но слова застряли в памяти. Герб с оленем... Барон Эстерхази? Нужно будет проверить.

Он допил эль, бросил на стол монету и поднялся.

— Ложишься? — спросил Маркус.

— Нет. Ещё дела.

Хозяин таверны только вздохнул.

Рассвет застал Милана у Старого моста. Туман ещё цеплялся за воду, но первые лучи солнца уже золотили шпили собора Святого Мартина. Агнес появилась ровно в срок — из бокового переулочка, кутаясь в плащ.

— Всё тихо? — тихо спросил Милан.

— Да, — она кивнула. — Никто не следил. Отец Лукаш утром ушёл в город, но я не думаю, что он знает о нас.

Они двинулись вдоль набережной к лавке аптекаря. Улица постепенно оживала: грузчики тащили бочки, торговки раскладывали зелень, мальчишки бегали с корзинами свежей рыбы.

Лавка Йозефа стояла на углу Еврейского квартала — небольшое здание с вывеской в виде ступки и пестика. Над дверью висел пучок сушёных трав, а в окне красовались склянки с разноцветными жидкостями.

Милан постучал. Через минуту дверь приоткрылась, и в щели показалось морщинистое лицо аптекаря.

— Чего надо? — хрипло спросил он.

— Поговорить, — Милан слегка надавил на дверь. — О старых легендах. И о том, что продаётся в тёмное время суток.

Йозеф прищурился, разглядывая их. Его взгляд задержался на Агнес.

— Девчонка из монастыря? — пробормотал он. — Ладно, заходите. Только быстро.

Внутри пахло травами, спиртом и чем-то едким. Полки ломились от склянок, на стенах сушились пучки растений, а на столе лежал раскрытый фолиант с рисунками ядовитых грибов.

— Ну? — аптекарь скрестил руки на груди. — Что за легенды?

— «Дух сточных вод», — прямо сказал Милан. — Жертвы, ритуалы, седьмой месяц. Вы что-то об этом знаете.

Йозеф побледнел. Его пальцы непроизвольно сжали край стола.

— Откуда вы... — он осекся. — Ничего не знаю. В городе много суеверий.

— Не лгите, — Агнес шагнула вперёд. — В летописях сказано, что культ использует аконит и белену. Вы продавали кому-то эти травы?

Аптекарь помолчал, потом тяжело опустился на стул.

— Продавал, — признался он. — Но не знал зачем. Один человек приходил раз в месяц, платил золотом. Говорил, что для лекарств. Я не спрашивал...

— Как он выглядел? — Милан подался вперёд.

— Высокий, в плаще с капюшоном. Лицо скрыто. Но руки... — Йозеф вздрогнул. — Длинные пальцы, почти как когти. И пахли они чем-то странным. Как в канализации.

Агнес переглянулась с Миланом.

— Герб, — напомнил Милан. — На одежде?

— Нет, — аптекарь покачал головой. — Но однажды он уронил перчатку. На подкладке был вышитый олень.

Барон Эстерхази. Всё сходится.

— Ещё что-нибудь? — настаивал Милан.

— Он спрашивал про старые ходы под городом, — добавил Йозеф. — Говорил, что ищет «врата». Я думал, он сумасшедший...

В этот момент за окном раздался скрип колёс. Все трое обернулись. Мимо лавки проезжала карета с гербом оленя на дверце.

— Вот он, — прошептал аптекарь. — Тот самый человек!

Милан бросился к двери, но когда выскочил на улицу, карета уже скрылась за поворотом.

— Проклятье! — он ударил кулаком по стене. — Мы почти поймали его.

— Но теперь мы знаем больше, — Агнес положила руку ему на плечо. — Барон Эстерхази связан с культом. И он ищет какие-то врата под городом.

— И делает это с помощью отца Лукаша, — добавил Милан. — Монах знает подземелья, а барон даёт деньги и власть.

Он задумался.

— Сегодня ночью, — решил он. — Мы проберёмся в подземелья под собором. Если там есть «врата», мы их найдём.

— Я с вами, — твёрдо сказала Агнес.

Милан хотел возразить, но увидел её взгляд и промолчал. В конце концов, она уже доказала, что может быть полезной.

— Хорошо, — кивнул он. — Встретимся здесь же, через два часа после заката. Возьми что-нибудь для освещения и тёплую одежду — внизу холодно.

Агнес кивнула и направилась к монастырю. Милан же остался поговорить с Йозефом ещё немного — узнать, какие именно травы покупал барон и не замечал ли аптекарь чего-то ещё странного.

День тянулся медленно. Милан проверял снаряжение: факелы, нож, верёвку, щепотку перца против крыс. В голове крутились обрывки информации — кровь на кукле, царапины в канализации, герб с оленем, слова из летописи...

Когда солнце начало клониться к закату, он почувствовал, как в груди нарастает тревога. Что ждёт их в подземельях? Чудовище? Или что-то куда более страшное — человек, который верит, что творит «очищение»?

Но отступать было поздно. Янош, сын сапожника, всё ещё не найден. И пока в Братиславе пропадают дети, Милан Корвин не остановится.

Глава 2. Врата под собором

Ночь опустилась на Братиславу, укутав город в плащ из тумана и теней. Улицы, ещё днём оживлённые, теперь казались чужими и враждебными — словно сами камни затаили дыхание в ожидании чего-то зловещего. Милан стоял у лавки аптекаря, сжимая в руке факел. Пламя дрожало, отбрасывая неровные блики на булыжную мостовую, и каждый порыв ветра грозил его погасить. Часы на соборе Святого Мартина пробили девять — Агнес опаздывала.

Он нервно огляделся. Улицы опустели: лишь изредка мелькали стражники с алебардами да где-то вдали лаяла собака. Фонари на перекрёстках горели тускло, бросая дрожащие пятна света на булыжник, а за ними — непроглядная тьма. В воздухе висел запах сырости, дыма из труб и чего-то ещё, едва уловимого — будто гниль пробралась в щели между камнями, отравляя всё вокруг.

«Может, что-то случилось?» — подумал Милан. Он сжал рукоять ножа, спрятанного под плащом. В Братиславе не стоило доверять темноте — особенно после заката. Город, казалось, затаил дыхание, прислушиваясь к каждому шороху. Где-то вдалеке заскрипела ставня, и Милан невольно вздрогнул.

Но тут же он услышал лёгкий шорох шагов. Из-за угла появилась Агнес, закутанная в тёмный плащ. В руке она держала небольшой фонарь с замутнённым стеклом — свет пробивался сквозь него слабым, болезненным сиянием. Её лицо, освещённое снизу, казалось бледным и измождённым, а глаза — запавшими, будто она не спала несколько ночей.

— Прости за задержку, — прошептала она, переводя дыхание. — Отец Лукаш задержал меня вопросами. Спрашивал, куда я иду так поздно.

— Что ответила? — Милан настороженно огляделся по сторонам. Туман сгущался, и в нём мерещились неясные силуэты.

— Сказала, что иду к больной тётке за рекой. Он, кажется, поверил. Но смотрел так... — Агнес поежилась. — Будто видел меня насквозь. Будто знал, что я лгу.

Милан кивнул.

— Хорошо. Идём. Держись рядом и молчи, если не я заговорю. И не смотри в тёмные углы — там ничего хорошего.

Они двинулись к собору. Высокие готические арки высились над ними, словно стражи ночи, их резные фигуры казались живыми в неверном свете. Чёрные витражи поглощали остатки дневного света, а шпили пронзали небо, будто копья, готовые поразить любого, кто осмелится бросить вызов городу.

Вход в подземелья находился с северной стороны — старая решётка, замаскированная плющом, давно не знавшим ухода. Листья пожухли и почернели, будто тронутые гнилью, а лозы, оплетающие прутья, напоминали иссохшие вены. Агнес достала ключ, который хранила с детства. Металл был холодным и липким на ощупь, словно впитал в себя страх всех, кто когда-либо спускался вниз.

— В монастыре учили, как прятать вещи, — пояснила она, заметив взгляд Милана. — Этот ключ от тайного хода. Им редко пользуются. Слишком много... историй с ним связано. Говорят, те, кто спускался сюда ночью, потом менялись. Становились молчаливыми, смотрели в одну точку, а по ночам кричали во сне.

Решётка скрипнула, пропуская их внутрь, — звук получился слишком громким в ночной тишине. Милан поднял факел, и пламя высветило каменные ступени, уходящие вниз, в темноту. Воздух стал холодным и влажным, пах плесенью и чем-то ещё — сладковатым, тошнотворным. Запах был знакомым, и от этого становилось ещё страшнее.

— Чувствуешь? — прошептала Агнес. Её голос дрожал.

— Кровь, — коротко сказал Милан. — Свежая. И не одна капля. Много.

Они замерли. Впереди слышались голоса — негромкие, но отчётливые в тишине подземелья. Милан погасил факел и сделал знак Агнес следовать за ним. Они двинулись вперёд, ступая бесшумно, прижимаясь к стенам, покрытым липкой влагой. Капли воды падали откуда-то сверху — кап... кап... — будто кто-то отсчитывал секунды до неизбежного.

За поворотом открылся зал с каменным алтарём. При свете нескольких свечей, расставленных в форме треугольника, стояли отец Лукаш и барон Эстерхази. Перед ними на коленях — мальчик, связанный верёвками. Янош. Его лицо было в слезах, но он не кричал — только дрожал, а губы беззвучно шевелились, будто он молился. На полу, возле алтаря, виднелись тёмные пятна, похожие на засохшую кровь.

— ...и потому, — вещал отец Лукаш, его голос эхом отражался от стен, — ты должен признаться, где спрятал украденное серебро. Иначе твоя мать тоже окажется в темнице. Слова его звучали ровно, но в глазах читалась холодная жестокость.

Барон кивнул, его лицо в свете свечей казалось маской — бледное, с жёсткими чертами, а пальцы, сжимающие рукоять кинжала, побелели от напряжения.

— Да, мальчик. Говори правду, и мы проявим милосердие. Но если будешь лгать... — он сделал паузу, и в этой паузе было больше угрозы, чем в любых словах.

Милан выдохнул с облегчением. Это не жертвоприношение — шантаж. Но всё равно преступление, мерзкое и подлое. Он почувствовал, как внутри закипает гнев, холодный и тяжёлый, но тут же подавил его — сейчас важнее было действовать рассудительно.

— Отпустите ребёнка, — громко сказал Милан, выходя вперёд. Его голос прозвучал резко, как удар хлыста. — И объясните, почему вы держите его здесь против воли.

Барон вздрогнул. Отец Лукаш резко обернулся. Его глаза в тени капюшона блеснули недобрым огнём, а губы искривились в усмешке.

— Корвин! — прошипел он. — Опять ты со своим любопытством? Думаешь, что умнее других?

— Моё любопытство, — Милан шагнул ближе, — подсказывает мне, что здесь творится что-то незаконное. Янош, посмотри на меня. Тебя били? Заставляли что-то подписать?

Мальчик замотал головой.

— Н-нет... Они сказали, что мама в беде, если я не скажу, где спрятано серебро... Но я не знаю! Я правда не знаю!

Барон побагровел.

— Молчать, мальчишка! Ещё слово — и я...

— Довольно, — Милан достал свисток, который носил с собой как член городского дозора. Звук его был пронзительным, режущим слух, он разнёсся по подземелью, отражаясь от стен и множась эхом. — Ещё один шаг к нему, и я подам сигнал. Сюда сбежится вся стража. И тогда уже не вам решать, кто будет отвечать за свои поступки.

Отец Лукаш поднял руки, но в его глазах Милан уловил не страх, а холодную, расчётливую ярость.

— Успокойся, Корвин. Мы просто пытались выяснить правду.

— Правду выясняют в ратуше, — отрезал Милан. — А не в подземельях ночью, запугивая детей. Агнес, развяжи Яноша.

Девушка бросилась к мальчику. Пока она освобождала его, Милан не спускал глаз с барона и монаха.

— Завтра утром, — сказал он, чеканя слова, — вы оба явитесь в ратушу. Будете отвечать перед бургомистром за похищение и угрозы. И советую вам к тому времени придумать объяснение получше, чем «мы просто пытались выяснить правду». Потому что я прослежу, чтобы дело дошло до суда.

На рассвете Милан, Агнес и Янош стояли у дома Магдалены. Женщина бросилась к сыну, рыдая и целуя его. Её руки дрожали, когда она гладила его по голове, а слёзы капали на плечи мальчика.

— Спасибо, господин Корвин, — шептала она. — Спасибо... Вы спасли его. Вы спасли нас. Я не знаю, что бы они с ним сделали...

— Не стоит, — Милан похлопал её по плечу. — Главное, что с Яношем всё в порядке. Позаботьтесь о нём. И о себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.